УДК: 351:323.2(470) DOI: 10.22394/2071-2367-2019-14-6-37-58

МОЛОДЁЖНАЯ ПОЛИТИКА ГЛАЗАМИ САМОЙ МОЛОДЁЖИ: ПРОБЛЕМА В PR?

Попова О.В., Негров Е.О.[1]

Аннотация. Цель статьи – выявление и характеристика оценок государственной молодёжной политики представителями самой российской молодёжи. Актуальность исследования состоит в сочетании фундаментального обзора основных направлений исследования роли участия молодёжи в общественно-политическом процессе и привлечения конкретного эмпирического исследования, проведенного весной 2019 года, что позволяет осветить разные аспекты ситуации. Эмпирическая часть исследования базируется на исследовании «Представления молодёжи о современном общественно-политическом процессе», которое проводилось весной 2019 года в четырех субъектах Российской Федерации – Алтайском крае, Ленинградской и Новосибирской областях и г. Санкт-Петербурге. Методом исследования выступало личное стандартизированное интервью, объем выборки составил 1000 респондентов (по 250 в каждом из регионов), которые являлись представителями молодёжи в возрасте от 14 до 30 лет, постоянно проживающими на территории исследуемых субъектов Федерации. На основе факторного и кластерного анализов представлены основные модели ожиданий политического будущего. Статья должна представлять интерес для исследователей, профессионально занимающихся данной тематикой, так и просто интересующихся темой влияния реального политического процесса на такую значимую группу населения, как молодёжь.

Исследование выполнено в рамках реализации проекта «Потенциал молодёжного политического лидерства в ходе политической социализации и циркуляции элит в российских регионах в 2010-е годы (на примере Юго-Западной Сибири и Северо-Запада РФ)», грант РФФИ № 18-011-01184.

Ключевые слова: молодёжная политика, политическое поведение, молодёжь, общественное мнение, факторный анализ.

Попова Ольга Валентиновна – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9, e-mail: o.popova@spbu.ru.

Негров Евгений Олегович – кандидат политических наук, доцент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, адрес: 191124, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1–3, e-mail: negrov2001@mail.ru

YOUTH POLICY THROUGH THE EYES OF YOUTH: IS THE PROBLEM IN PR?

POPOVA O. V. – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Political Institutes and Applied Political Studies, Faculty of Political Science, St. Petersburg State University (Russian Federation, St. Petersburg), e-mail: o.popova@spbu.ru.
NEGROV E. O. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Department of Political Institutes and Applied Political Studies, Faculty of Political Science, St. Petersburg State University (Russian Federation, St. Petersburg), e-mail: negrov2001@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to identify and characterize assessments of state youth policy by representatives of Russian youth themselves. The relevance of the study consists of combination of a fundamental review of the main directions of research on the role of youth participation in the socio-political process and the involvement of a specific empirical study conducted in the spring of 2019, which allows us to highlight various aspects of the situation. The empirical part of the study is based on the study "Young people's ideas about the modern socio-political process", which was conducted in the spring of 2019 in four constituent entities of the Russian Federation - Altai Territory, Leningrad and Novosibirsk Regions, and St. Petersburg. The research method was a personalized standardized interview, the sample size was 1000 respondents (250 in each of the regions) who were representatives of young people aged 14 to 30 years old, permanently residing in the territories of the studied subjects of the Federation. Based on factorial and cluster analyzes, the main models of expectations of the political future are presented. The article should be of interest to researchers who are professionally engaged in this topic, and simply interested in the topic of the influence of the real political process on such a significant group of the population as youth.

The study was carried out in the framework of the project "The potential of youth political leadership in the course of political socialization and circulation of elites in the Russian regions in the 2010s (using the example of South-West Siberia and the North-West of the Russian Federation)", grant RFBR № 18-011-01184.

Keywords: youth policy, political behavior, youth, public opinion, factor analysis.

Предпосылки исследования

Предлагаемая статья посвящена оценке государственной молодёжной политики представителями самой российской молодёжи. Эмпирическая часть

исследования в своей основе имеет достаточно обширную теоретическую базу, связанную с определением роли и места молодёжи в общественно-политическом процессе. Опираясь на исследования, посвященные политической культуре молодёжи[1]; собственно проблемам государственного регулирования молодёжной политики[2]; социальных связей в молодёжной среде[3]; электоральных предпочтений молодёжи[4]; особенностям её политического поведения[5] и различных аспектов восприятия молодёжного лидерства[6], мы пришли к выводу о релевантности использования различных видов статистического анализа для выводов об оценках молодёжной политики на примере крупных агломераций, находящихся в разных частях Российской Федерации, – Северо-Западном регионе (г. Санкт-Петербург и Ленинградская область) и Юго-Западной Сибири (Алтайский край и Новосибирская область).

Очевидно, что вопрос политического поведения молодёжи должен рассматриваться в рамках изучения политического сознания и политической

[1] Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. – М.: ЦСПиМ, 2010. – 592 с.; Karagianni D., Montgomery A. J. Developing leadership skills among adolescents and young adults: a review of leadership programmes // International Journal of Adolescence and Youth, 2018. – vol. 23. – PP. 86–98.

[2] Гукова И. Н. Перспективные формы развития общественно-политической активности молодежи в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. – 2015. – №3 (5). – С. 156–159; Ерофеева М. А., Белоус Е. Ю. Развитие молодежных инициатив как направление государственной образовательной молодежной политики // Педагогическое образование и наука. – 2017. – № 3. – С. 123–127; Зубок Ю. А., Ростовская Т. К., Смакотина Н. Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. – М., 2016; Ильинский И. М. Молодежь и молодежная политика: серия Философия. История. Теория. – М.: Голос, 2001. – 694 с.; Murphy M. T. Youth in front: supporting youth-led social action // Social Education, 2018. – № 5 (vol. 82). – PP. 255–259; Zeldin S., Gauley J., Krauss S. E. Youth-Adult partnership and youth civic development: cross-national analyses for scholars and field professionals // Youth & Society, Sage Journals, 2017.

[3] Каратабан И. А. Социальная активность молодежи в контексте современных модернизационных процессов // Вестник МГТУ. – 2018. – №2. – С. 128–134; Коряковцева О. А. Концептуальные основы развития общественно-политической активности молодежи в постсоветской России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2016. – Т. 38. – №8 (229). – С.156–162; Попова Н. В. Молодежные лидеры об организации работы с молодежью на промышленных предприятиях // ЦИТИСЭ, – 2018. – № 1. – С. 18.

[4] Морозов М. М. Электоральные предпочтения молодежи // Формирование общекультурных и профессиональных компетенций финансиста. – М., 2018. – С. 99–104.

[5] Старцева С. Г. Динамика политических предпочтений региональной молодежи в условиях трансформации современного российской общества (на примере Вологодской области): автореф. дис. … канд. пол. наук: 23.00.02 / Старцева Светлана Геннадьевна. – СПб., 2013. – 26 с.

[6] Aurik, J., Fabel, M., Jonk, G. A leader's guide to an organization-wide strategy journey // Strategy and Leadership, 2015. – 43(3), PP. 15–24; Denning, S. New lessons for leaders about continuous innovation // Strategy and Leadership, 2015. – 43(1), PP. 11–15; Halverson, T.J., Plecki, M.L. Exploring the Politics of Differential Resource Allocation: Implications for Policy Design and Leadership Practice // Leadership and Policy in Schools, 2015. – 14(1), PP. 42–66.

культуры общества в целом и его отдельных групп и сегментов. Еще выдающийся немецко-британский философ и социолог Карл Мангейм (1893–1947), один из основоположников т. н. социологии знания, зафиксировал нелинейность и лиминальность значения молодёжи как социальной группы в общественно-политическом процессе, т.к. это значение зависит от массы факторов как объективного, так и субъективного характера. «Молодёжь – один из скрытых ресурсов, которые имеются в каждом обществе и от мобилизации которых зависит его [общества] жизнеспособность»[1]. Именно поэтому необходимо анализировать политическое сознание, идентичность, оценки будущего и т. д. молодежи с учетом конкретной социально-политической ситуации, в которой эта молодежь живет и функционирует «здесь и сейчас». Т.о., чем более нестабильна ситуация в самой общественной системе, тем более неоднородными являются различные социальные группы, и молодежь здесь, естественно, не исключение.

Сложно не согласиться с российским исследователем, занимающимся проблемами молодежной политики, ведущим научным сотрудником Центра стратегических и социально-политических исследований ИСПИ РАН и заведующей кафедрой политической социологии социологического факультета РГПУ Н.М. Великой, которая выделяет следующие специфические черты социального положения молодёжи:

- неустойчивость, подвижность, размытость позиций молодых людей в социальной структуре;
- невысокий социальный статус;
- ограниченность социальных связей[2].

В результате такое положение вещей ставит молодёжь в неравное и зачастую подчиненное положение с экономически и социально более продвинутыми группами, что, в свою очередь, создает благоприятную среду для возникновения разного рода социальных, а зачастую и политических конфликтов.

Следует отметить, что наши данные не противоречат и иным исследованиям по этой теме и – шире – очень четко соответствуют знаменитой американской поговорке о том, что тенденции важнее фактов. Так, по данным, приведенным в статье уже упоминавшейся Н.М. Великой, чья информация основывается на ежегодном мониторинге ИСПИ РАН, а также данных ВЦИОМ, стабильный рост «социальных оптимистов» наблюдался с 2002 до 2012 года, а после 2012 года тренд изменился на отрицательный[3].

---

[1] Мангейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ. / отв. ред. и сост. Я. М. Бергер и др. – М.: Юрист, 1994. – 700 с. – С. 571.

[2] Великая Н. М. Политическое сознание российской молодежи в контексте изменения политического режима / Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики. Серия «Демография. Социология. Экономика». Том 5, № 1 / под ред. С. В. Рязанцева, Т. К. Ростовской, Ю. А. Зубок. – М.: Экон-информ, 2019. – 325 с. – С. 123–128.

[3] Там же.

Следует учитывать тот факт, что социально-политические реалии, связанные с негативными тенденциями в политике и экономике (снижение уровня и качества жизни, экономическая стагнация, причем усиливающаяся на микроуровне, сужение пространства публичной политики и т. д.), находит свое отражение практически во всех сегментах общественного мнения, и молодёжь здесь далеко не исключение. Более того, можно утверждать, что молодёжь является более критичной и требовательной, нежели представители других социальных групп. При этом вряд ли следует прогнозировать значимый рост политической активности, т. к. в соответствующей политической культуре сохраняются и социальный инфантилизм, и гражданская пассивность (тот самый «социальный абсентеизм»!), и свойственное современным реалиям (причем далеко не только в нашем Отечестве) недоверие к традиционным политическим партиям и акторам. При этом в политической психологии является консенсусным мнение, что манипуляциям общественного сознания, в первую очередь с помощью средств массовой коммуникации, подвержена в большей степени именно молодёжь.

Стоит отметить, что изучение и анализ предпочтений, мнений, системы мировоззрения, мотивации и адаптации, профессиональной, личной и досуговой деятельности, а также других характеристик молодёжи являются важной стратегической задачей любого государства, как целого, так и его соответствующих институтов. Эффективность результата социально-политической социализации молодёжи в том числе обусловлена научным обоснованием политики, которая декларируется и проводится государством в данной сфере, а также уровнем развития гражданского общества в целом. Определенная забота, помощь и поддержка молодёжи на разных этапах её социализации и адаптации должны помочь снизить риски и минимизировать отрицательные эффекты и преграды на пути устойчивого развития общества в целом.

Иногда просто знание представителей молодёжи о глобальных и национальных актуальных проблемах, зачастую просто осознание их важности, существующий вектор взаимоотношений молодого поколения с органами власти, осуществляющими определенный социально-политический курс в стране и в мире, во многом определяют социально-политическое настроение общества в настоящем и формируют стратегию развития государства и общества в будущем.

Устойчивое и стабильное развитие государства существенно зависит от социально-политических настроений и политической культуры молодёжного поколения, от его мировоззрения и активности в решении проблем, стоящих перед гражданским обществом и государством в настоящем и будущем. Позитивные и конвенциональные социальные установки, адаптация к обновляющейся политической и социальной культуре складываются под воздействием внешних и внутренних факторов социально-политической среды. Задача государства, таким образом, состоит в том, чтобы в своей осознанной и структурированной

молодёжной политике контролировать риски социально-политического отчуждения молодёжи от общества в целом, понимать причины и минимизировать последствия страха перед будущим, а в процессе перманентной социализации передавать культурное, политическое, научное и иное наследие с целью сохранения устойчивой траектории развития.

Выдающийся советский и российский социолог, профессор Санкт-Петербургского государственного университета В. Т. Лисовский (1929–2002) рассматривал молодёжную политику как «отношение общества, различных его групп, слоев, социальных институтов к молодёжи как специфической большой демографической группе населения, а также самой молодёжи к другим социальным группам, социальным институтам, ценностям общества в целом, носителями которых выступают другие группы и слои населения, социальные институты и физические лица (как представители групп или институтов)»[1].

При любого рода подобном планировании надо четко понимать не просто абстрактную численность молодёжи в абсолютных цифрах, но её долю в составе населения как в масштабах страны, так и в рамках того или иного региона. По официальным данным Росстата, актуальным на 2018 год, доля молодёжи составляет более 21%[2], что делает её весьма важной социальной группой как с точки зрения стабильного общественно-политического развития, так и с более утилитарных электоральных и легитимистских позиций.

Особые свойства молодёжи как социально-демографической группы проявляются в том, что она существует в процессе перманентно длящегося перехода от объекта общественного воздействия к субъекту социального и общественного развития. В этом, собственно, и заключается социальный смысл процесса «взросления» молодёжи. В тот момент, когда индивид способен использовать весь комплекс социальных связей и отношений, характерных для того или иного общества, он становится полноправным субъектом и объектом общественных отношений. Именно поэтому, подчеркнем еще раз, важнейшими показателями, позволяющими понять основные запросы молодёжи как социальной группы для того, чтобы использовать эти данные в выверенной и структурированной молодёжной политике, являются далеко не только возрастные и экономические параметры, но и социальные показатели процесса социализации, анализируемые как количественными, так и качественными методами.

Молодёжь на современном этапе общественно-политического развития нашего Отечества оказалась в достаточно специфической ситуации, в рамках которой процесс социализации проходит не только на основе устоявшихся моральных и

[1] Лисовский В. Т. Воспитание студентов вузов Российской Федерации: материалы концепции // Общая стратегия воспитания в образовательной системе России: монография. Книга 1. – М.: ИЦПКПС, 2001. – С. 69–89. – С. 74.

[2] Россия в цифрах. 2018: Краткий статистический сборник. – М.: Росстат, 2018. – 522 с. – С. 77.

духовных норм и ценностей и их устойчивого и «плавного» усвоения, но и с необходимостью активного включения самих молодёжных групп в выработку этих ценностей, в некоторых случаях самостоятельно, зачастую при столкновении с устоявшимися и достаточно ригидными ценностями более старших поколений. Таким образом, молодёжь, вступая в субъектные отношения с обществом, далеко не всегда ощущает запрашиваемое соответствие её интересам и потребностям.

В цели государственной молодёжной политики на официальном уровне включено развитие правовых, социально-экономических и организационных условий для успешной самореализации молодёжи, направленной на раскрытие её потенциала для дальнейшего развития Российской Федерации, а также содействие успешной интеграции молодёжи в общество и повышению её роли в жизни страны[1].

Реализация государственной молодёжной политики

Оценкам государственной молодёжной политики российской молодёжью посвящена эмпирическая часть исследования, базирующаяся на исследовании, которое проводилось весной 2019 года в четырех субъектах Российской Федерации – Алтайском крае, Ленинградской и Новосибирской областях и г. Санкт-Петербурге. Методом исследования выступало личное стандартизированное интервью, объем выборки составил 1000 респондентов (по 250 в каждом из регионов), которые являлись представителями молодёжи в возрасте от 14 до 30 лет, постоянно проживающими на территории исследуемых субъектов Федерации.

Опрос показал достаточно большую долю представителей (около 30%) этой социально-демографической группы, которые затрудняются с оценкой государственной молодёжной политики и на федеральном, и на региональном уровнях (табл. 1).

Таблица 1 – Оценка государственной молодёжной политики на федеральном и региональном уровнях

Table 1 – Assessment of state youth policy at the federal and regional levels

Варианты ответа	На федеральном уровне	На региональном уровне
Эффективная	5,2	6,1
Скорее эффективная	24,8	21,7
Скорее неэффективная	24,7	22,9
Неэффективная	15,7	16,8
Затрудняюсь ответить	29,6	32,5
Итого	100,0	100,0
Индекс эффективности	–0,172	–0,173

[1] Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. – Электронный документ. – URL: http://static.government.ru/media/files/ceFXIeNUqOU.pdf (дата обращения: 26.11.19).

Совершенно очевидно, что львиная доля этих респондентов просто не имеет никакого представления о ее направлениях, конкретных проектах и, следовательно, тех возможностях, которые государство им предоставляет в рамках реализации молодёжной политики.

Вызывает тревогу также и то, что суммарно величина группы, давшей положительную оценку эффективности молодёжной политики на федеральном уровне, составляет только 30%, а на региональном уровне еще меньше – 27,8%. Соответственно индекс эффективности, рассчитанный как отношение разности суммы положительных и отрицательных оценок к общему числу определившихся с ответом, для федерального уровня составляет – 0,172, для регионального уровня – –0,173.

Можно говорить фактически о синхронности оценок эффективности молодёжной политики на уровне как государства, так и его отдельных субъектов, что подтверждается результатами корреляционного анализа с высокими показателями коэффициентов корреляции (табл. 2).

Таблица 2 – Корреляционный анализ оценок эффективности молодёжной политики на федеральном и субфедеральном уровнях (статистически значимые стандартизованные остатки)

Table 2 – Correlation analysis of assessments of the efficiency of youth policy at the federal and subfederal levels (statistically significant standardized residuals)

Оценка государственной молодёжной политики на современном этапе в стране в целом	Оценка государственной молодёжной политики на современном этапе в регионе проживания					
	Эффектив-ная	Скорее эффектив-ная	Скорее неэффекти-вная	Неэффектив-ная	Затрудняюсь ответить	Всего
Эффективная	3,7 +19,0	0,8	0,0 –3,5	0,1 –2,6	0,6 –2,7	5,2
Скорее эффективная	1,7	16,5 +15,2	3,5 –2,9	0,5 –5,7	2,6 –6,1	24,8
Скорее неэффективная	0,2 –3,4	2,6 –3,8	15,3 +12,8	4,4	2,2 –6,5	24,7
Неэффективная	0,4 –1,8	0,5 –5,0	2,8	11,2 +16,7	0,8 –6,0	15,7
Затрудняюсь ответить	0,1 –4,0	1,3 –6,4	1,3 –6,7	0,6 –6,2	26,3 +17,0	29,6
Всего	6,1	21,7	22,9	16,8	32,5	100,0

Наибольший оптимизм в отношении реализации молодёжных проектов на федеральном уровне проявляют обладатели среднего профессионального образования, одновременно работающие и получающие образование, респонденты с низким и относительно невысоким ежемесячным доходом на одного члена семьи до 15000 рублей, но при этом относящие себя к высшему слою, молодежь из Новосибирской области (статистически значимые стандартизованные остатки при достаточном количестве наблюдений равны соответственно +1,9, +2,3, +2,2, +2,6, +3,0).

Таблица 3 – Коэффициенты корреляции оценок молодежной политики в регионе проживания и стране в целом

Table 3 – Correlation coefficients of youth policy assessments in the region of residence and the country as a whole

		Значение	Асимптотическая среднеквадратичная ошибка[a]	Примерная T[b]	Примерная Знач.
Порядковый/ порядковый	Tau-b Кендалла	0,698	0,022	32,080	,000
	Tau-c Кендалла	0,666	0,021	32,080	,000
	Гамма	0,800	0,021	32,080	,000
	Корреляция Спирмена	0,743	0,022	35,068	,000[c]
Интервал/ интервал	R Пирсона	0,742	0,022	34,983	,000[c]
Количество допустимых наблюдений		1000			

a. Не предполагая нулевой гипотезы.

b. Использование асимптотической среднеквадратичной ошибки в предположении нулевой гипотезы.

c. Основано на нормальной аппроксимации.

Больший скептицизм в отношении государственной молодежной политики на уровне государства в целом, оценивая эффективность её реализации как низкую, склонны высказывать мужчины, студенты вуза, респонденты с ежемесячным доходом на одного члена семьи свыше 40000 рублей, но при этом относящие себя к статусным слоям ниже высшего, жители сельских поселений, сел и деревень, молодёжь Ленинградской области (статистически значимые стандартизованные остатки при достаточном количестве наблюдений равны +2,3, +2,0, +1,9, +1,7, +2,0, +1,7, +2,2, +2,5).

Наименее информированы о молодёжных проектах государства люди в возрасте от 26 до 30 лет, работающие неофициально и не учащиеся в настоящий момент, жители Санкт-Петербурга и Алтайского края (статистически значимые

стандартизованные остатки при достаточном количестве наблюдений равны соответственно +1,7, +3,2, +1,8, +1,9).

При оценке эффективности реализации государственной молодёжной политики на региональном уровне юноши и девушки высказали сходные оценки. Более оптимистично настроена молодёжь в возрасте от 18 до 21 года, студенты колледжей, а также одновременно получающие образование и работающие, обладатели ежемесячного дохода на одного члена семьи до 10000 руб., но при этом считающие себя частью высшего слоя, жители областных центров, молодёжь из Новосибирской области (статистически значимые стандартизованные остатки при достаточном количестве наблюдений равны соответственно +2,0, +1,6, +2,3, +2,3, +3,0, +1,8, +2,5).

Наиболее скептичны в оценке реализации молодёжной политики в регионе своего проживания обладатели начального профессионального образования, респонденты с ежемесячным доходом на одного члена семьи от 10000 до 15000 руб., относящие себя к промежуточному статусному слою между средним и низшим, жители Санкт-Петербурга, небольших городов в Ленинградской области (статистически значимые стандартизованные остатки при достаточном количестве наблюдений равны соответственно +1,9, +1,6, +1,7, +1,9, +1,9, +3,1).

Затрудняются дать оценку 26–30-летние, работающие неофициально и не проходящие обучение, молодёжь из Алтайского края (статистически значимые стандартизованные остатки при достаточном количестве наблюдений равны соответственно +1,6, +3,0, +2,6).

Ситуация в сельской местности различается существенно; наблюдается раскол в оценках жителей сел и деревень: часть проявила явную склонность поставить высокие оценки качеству реализации в регионе молодёжной политики, часть – низкие (+1,9, +3,3).

Налицо компенсационный эффект. Это проявляется и в том, что сходные оценки дают одновременно обладатели низких доходов и высокой статусной самооценки, и в том, что более высоко молодёжные проекты оценивают низкодоходные группы; последнее свидетельствует об очевидной ориентации программ молодёжной политики на низкодоходные группы.

Среди проектов государственной молодёжной политики наиболее широко известны волонтерские проекты (в частности, движение «Волонтеры Победы»), программа патриотического воспитания (чаще всего называли «Юнармию»), поддержка движения студенческих отрядов, строительство и открытие спортивных клубов, проведение спортивных соревнований (сдача норм ГТО, футбольные, баскетбольные турниры), пропаганда здорового образа жизни (ЗОЖ), борьба с наркотиками, поддержка туристических клубов, участие молодёжи в экологических программах.

Хорошо известны социальные проекты, направленные на содействие

предпринимательской деятельности молодёжи, решение вопросов трудоустройства и обеспечениея жильем (поддержка врачей и учителей в сельской местности – «Молодой специалист»), программа «Молодёжи – доступное жильё», связанная со снижением процента по выплате ипотеки, решением проблем получения жилья для малообеспеченных молодых семей и т. д.). Молодёжь осознает, что в поддержке нуждаются не только врачи и педагоги, респонденты подчеркивали значимость помощи и молодым ученым (научные гранты).

Не массовыми, но весьма заметными были ответы, связанные с темой институционализации молодёжной общественно-политической активности. Речь шла о создании и работе таких структур, как молодёжные парламенты в регионах, Росмолодёжь и ее проекты (к примеру, Всероссийский молодёжный образовательный форум «Таврида»), Российский союз молодёжи, Российское движение школьников (РДШ) (упоминались также районные школьные объединения (РШО) и районные студенческие объединения (РСО).

Отмечалась работа комитетов по молодёжной политике в составе региональных структур исполнительной власти. Все более широкую известность приобретает программа «Лидеры России». Приветствуется проект «Молодёжный кадровый резерв», дающий шанс на участие молодёжи в системе государственного управления на различных уровнях.

В качестве важного элемента государственной молодёжной политики называлась такая общественная организация, как Всероссийская общественно-политическая организация «Молодая гвардия Единой России». Отдельные ответы были связаны с работой парламентских партий с молодёжью, упоминалось привлечение молодёжи в качестве наблюдателей на выборы.

Респонденты отмечают значимость социальных стипендий, именных правительственных и президентских стипендий, системы международного обмена во время обучения, развитие образовательных программ (Президентский образовательный центр «Сириус»), грантов и создание различных фондов для поддержки проектов молодёжи. Для молодёжи очень важны проекты, связанные с культурным досугом (День молодёжи, молодёжные клубы, дома молодёжи, бесплатные праздники).

Примечательно, что представители молодёжи воспринимают некоторые проекты, направленные в принципе на более широкий круг возрастных групп, как именно «свои» («Мой гектар», программа выплаты материнского капитала). Позитивно отмечается участие России в работе по повышению стандартов профессиональной подготовки и квалификации, популяризации рабочих профессий посредством участия в международных соревнованиях (Workskills), что также рассматривается как часть государственной молодёжной политики.

При этом содержательные ответы дали всего лишь 34,15% опрошенных респондентов. Ни одного конкретного проекта в рамках реализации государственной

молодёжной политики (вопрос задавался как открытый) не смогли назвать 65,85% респондентов. О проблемах информированности о государственной молодёжной политике групп, на которые она направлена, свидетельствует помимо небольшого числа ответов на вопрос о знании конкретных проектов и направлений, и то, что в качестве конкретных программ были названы выпуск Молодёжной карты «Сбербанка» и создание Росгвардии.

Важным компонентом государственной молодёжной политики является ее институциональная составляющая. Поддержка государством студенческих стройотрядов, создание и включение в политическую жизнь регионов молодёжных парламентов и общественных палат, молодёжных общественно-политических движений и молодёжных политических организаций – все это является важным компонентом общественно-политической жизни страны.

Таблица 4 – Представления молодёжи об эффективности молодёжных объединений как представителей интересов своей группы

Table 4 – Ideas of youth on the effectiveness of youth associations as representatives of the interests of their group

Институты	1	2	3	4	5	Они в регионе не работают	Затрудн. ответить	Итого
молодёжный парламент	8,7	8,6	13,2	10,3	6,7	7,0	45,5	100
молодёжные общественные палаты	8,0	8,5	14,7	9,1	5,5	7,8	46,4	100
молодёжные политические организации при политических партиях	8,0	10,5	15,1	10,5	7,5	5,2	43,2	100
молодёжные общественно-политические движения	7,0	7,6	15,5	14,7	8,1	4,3	42,8	100
студенческие отряды	6,0	7,0	13,1	17,3	14,9	4,5	37,2	100
молодёжные избирательные комиссии	7,9	8,8	13,5	11,1	7,9	5,9	44,9	100
клубы молодых избирателей	8,1	8,2	12,3	9,9	8,1	7,6	45,8	100

Приведенные в табл. 4 данные показывают, что достаточно велика доля молодёжи, которая убеждена, что эти объединения в регионе проживания респондентов просто не работают; в отношении молодёжного парламента это заявили 7,0% респондентов (в Санкт-Петербурге он действительно не

функционирует), молодёжной общественной палаты – 7,8%, молодёжных политических организаций – 5,2%, молодёжных общественно-политических движений – 4,3%, студенческих отрядов – 4,5%, молодёжных избирательных комиссий – 5,9%, клубов молодых избирателей – 7,6%.

Сама молодёжь с большим трудом может дать оценки эффективности деятельности объединений, созданных для этой социальной группы. От 42% до 47% респондентов затруднились дать подобные характеристики. Несколько лучше ситуация со студенческими отрядами (37,2%).

Следует обратить внимание и на то, что в отношении большинства типов молодёжных объединений характер оценок от 1 до 5 при группировке оценок 1 и 2, а также 4 и 5 напоминает перевернутую кривую гауссовского распределения. Величина групп респондентов, давших и низкие, и высокие оценки, находится в диапазоне 16–19%.

Несколько иная картина у студенческих отрядов, где низкие оценки эффективности работы этих объединений составили 13%, удовлетворительные – 13,1%, высокие положительные – 32,2%, а также у молодёжных общественно-политических движений, где величины групп респондентов, поставивших соответствующие оценки, составили 14,6%, 15,5% и 22,8%.



Рисунок 1 – Кластерный анализ оценки молодёжных организаций

Figure 1 – Cluster analysis of the assessment of youth organizations

V18. Молодёжный парламент; V19. Молодёжные общественные палаты; V20. Молодёжные политические организации при политических партиях; V21.

Молодёжные общественно-политические движения и организации; V22. Студенческие отряды; V23. Молодёжные избирательные комиссии; V24. Клубы молодых избирателей.

Характер представлений молодёжи об эффективности молодёжных общественных и политических организаций и движений, согласно данным кластерного анализа, представленного на рис. 1, показывает, что студенческие отряды в массовом сознании не ассоциируются ни с какими иными объединениями; схожими являются представления молодёжи соответственно о молодёжных избирательных комиссиях и клубах молодых избирателей; молодёжных общественных палатах и молодёжных парламентах; молодёжных политических организациях при партиях и молодёжных общественно-политических движениях. Вероятнее всего, низкий уровень информированности об этих структурах и их функциях фактически смешивает их образы в глазах «среднестатистического» представителя молодёжи.

Несколько выше оценивают качество работы молодёжных парламентов респонденты в возрасте от 18 до 21 года, обладатели среднего профессионального образования, жители малых городов и поселков городского типа (статистически значимые стандартизованные остатки при достаточном количестве наблюдений равны соответственно +1,6, +2,4, +2,0).

Наиболее низкие оценки этим объединениям выставляют обладатели начального и неполного среднего образования, ученики школы, относящие себя к высшему и низшему статусным слоям (статистически значимые стандартизованные остатки при достаточном количестве наблюдений равны соответственно +2,0, +1,6, +2,8, +2,0).

Наибольшую склонность затрудняться с оценкой эффективности работы молодёжного парламента проявляют представительницы прекрасного пола, студенты вузов, жители средних по размерам городов (статистически значимые стандартизованные остатки при достаточном количестве наблюдений равны соответственно +1,7, +1,9, +1,7).

Примечательно, что в Санкт-Петербурге, где молодёжный парламент фактически не функционирует (в начале 2000-х годов в Законодательное собрание одним из депутатов было внесено предложение о его создании, с 2003 по 2011 г. он юридически был зарегистрирован как НКО, в конце этого десятилетия были предприняты попытки реанимировать эту организацию), только 4,4% прямо заявили, что он не работает, 56,6% затруднились оценить его работу, а вот 39% опрошенных представителей молодёжи уверенно выставили оценки этой структуре: 1 поставили 12,0%, 2 – 9,6%, 3 – 8,8%, 4 и 5 – по 4,4%. В то же время в Ленинградской области, где молодёжный парламент функционирует, заявили, что он не работает, 13,7% (стандартизованный остаток составил +4,0). Молодёжь из Новосибирской области проявила явную склонность дать положительные оценки

этой структуре в своем регионе: оценки 4 поставили 18,3% опрошенных, 5 – 11,6% (статистически значимые стандартизованные остатки при достаточном количестве наблюдений равны соответственно +4,0, +3,0).

Дают несколько более высокие оценки качеству работы молодёжных общественных палат в своих регионах респонденты в возрасте от 14 до 17 лет, обладатели среднего профессионального образования, учащиеся колледжей, жители Новосибирской области (статистически значимые стандартизованные остатки при достаточном количестве наблюдений равны соответственно +1,7, +2,4, +1,9, +2,5).

Наиболее низкие оценки этим объединениям выставляют мужчины, одновременно работающие и обучающиеся, люди с ежемесячным доходом на одного члена семьи в диапазоне от 25000 до 40000 рублей, относящие себя к высшему или низшему слоям (статистически значимые стандартизованные остатки при достаточном количестве наблюдений равны соответственно +2,7, +2,1, +1,8, +1,6, +1,8).

Наиболее затрудняются с оценкой эффективности работы молодёжных общественных палат студенты вузов, Санкт-Петербурга и жители средних по размерам городов (статистически значимые стандартизованные остатки при достаточном количестве наблюдений равны соответственно +3,0, +2,2 +2,3).

Дают несколько более высокие оценки качеству работы молодёжных политических организаций при политических партиях молодые люди в возрасте от 14 до 17 лет, обладатели среднего полного и среднего профессионального образования (статистически значимые стандартизованные остатки при достаточном количестве наблюдений равны соответственно +1,7, +1,8, +2,7).

На «троечку» склонны оценивать работу этих политических объединений учащиеся колледжей, обладатели наиболее низких ежемесячных доходов на каждого члена семьи до 10000 рублей (статистически значимые стандартизованные остатки при достаточном количестве наблюдений равны соответственно +2,5, +1,6).

Наиболее низкие оценки этим объединениям выставляют мужчины, обладатели высшего образования, совмещающие работу и учебу представители молодёжи, относящие себя к высшему и самому низшему слоям (статистически значимые стандартизованные остатки при достаточном количестве наблюдений равны соответственно +2,1, +2,2, +1,8, +1,6, +2,3).

Сложнее всего дать оценку эффективности работы молодёжным объединениям при партиях студентам вузов (статистически значимые стандартизованные остатки при достаточном количестве наблюдений равны соответственно +2,3).

Примечательно, что люди с неполным высшим образованием, работающие с заключением официального договора с работодателем, но не учащиеся, а также жители сельской местности чаще других групп заявляли, что в их регионе молодёжные политические организации просто не работают (статистически

значимые стандартизованные остатки при достаточном количестве наблюдений равны соответственно +2,4, +1,9, +3,9).

Молодежь из Санкт-Петербурга склонна затрудняться с оценкой качества работы молодежных политических организациях при партиях, жители Ленинградской области склонны считать, что они просто не работают, а Новосибирской – выставлять высокие положительные оценки (статистически значимые стандартизованные остатки при достаточном количестве наблюдений равны соответственно +2,0, +2,2, +1,9).

Дают несколько более высокие оценки эффективности выражения интересов молодежи общественно-политическими движениями и организациями люди, относящие себя к высшему слою, жители маленьких городков и поселков городского типа, население Новосибирской области (статистически значимые стандартизованные остатки при достаточном количестве наблюдений равны соответственно +2,5, +1,7, +1,7).

Наиболее низкие оценки этим объединениям выставляют мужчины, обладатели незаконченного высшего образования, относящие себя к низшему слою (статистически значимые стандартизованные остатки при достаточном количестве наблюдений равны соответственно +2,9, +1,7, +2,4).

Наиболее затрудняются с оценкой эффективности работы общественно-политическим движениям и организациям студенты вузов, жители средних по размеру городов, а также Санкт-Петербурга (статистически значимые стандартизованные остатки при достаточном количестве наблюдений равны соответственно +1,8, +1,7, +1,8).

Население сельской местности, жители Ленинградской области склонны считать, что эти объединения в их регионе просто не работают (статистически значимые стандартизованные остатки при достаточном количестве наблюдений равны соответственно +3,4, +1,6).

Наиболее позитивно оценивают эффективность выражения интересов молодёжи студенческими отрядами женщины, люди в возрасте от 18 до 21 года, люди с наиболее низкими и относительно невысокими ежемесячными доходами на каждого члена семьи до 15000 рублей, жители Новосибирской области (статистически значимые стандартизованные остатки при достаточном количестве наблюдений равны соответственно +1,7, +2,1, +1,7, +2,1).

Низкие оценки этим студенческим отрядам склонны выставлять мужчины, относящие себя к низшему слою (статистически значимые стандартизованные остатки при достаточном количестве наблюдений равны соответственно +2,3, +1,7).

Склонны считать, что студенческие отряды в их регионах не работают, обладатели незаконченного высшего образования, относящие себя к промежуточному статусному слою между высшим и средним, а также жители сельской местности, население Ленинградской области (статистически значимые

стандартизованные остатки при достаточном количестве наблюдений равны соответственно +1,6, +2,0, +3,2, +2,9).

Дают несколько более высокие оценки качеству работы молодёжных избирательных комиссий официально трудоустроенная и не учащаяся молодёжь, жители областных центров, молодое население Новосибирской области (статистически значимые стандартизованные остатки при достаточном количестве наблюдений равны соответственно +1,9, +2,0, +5,0).

Наиболее низкие оценки этим объединениям выставляют мужчины, молодые люди в возрасте от 14 до 17 лет, обладатели начального и неполного среднего образования, ученики школ, одновременно работающие и учащиеся люди, относящие себя к высшему и низшему слоям (статистически значимые стандартизованные остатки при достаточном количестве наблюдений равны соответственно +2,2, +1,6, +2,0, +2,2, +1,6, +2,4, +2,3).

Склонны затрудняться с ответом на этот вопрос студенты вузов, жители средних по размеру городов, а также Санкт-Петербурга (+1,8, +1,7, +2,1).

В большей степени, чем другие группы, склонны считать, что молодёжные избирательные комиссии в регионе вообще не работают, обладатели ежемесячного дохода на каждого члена семьи в диапазоне от 10000 до 15000 рублей, жители сельской местности, молодёжь из Ленинградской области (статистически значимые стандартизованные остатки при достаточном количестве наблюдений равны соответственно +1,8, +4,0).

В большей степени, чем другие группы, склонны высоко оценивать способность клуба молодых избирателей реализовывать интересы молодёжи, обладатели начального и неполного среднего, а также среднего профессионального образования, учащиеся колледжей, а также относящие себя к высшему слою, жители маленьких городков и поселков городского типа, особенно в Алтайском крае и Новосибирской области (статистически значимые стандартизованные остатки при достаточном количестве наблюдений равны соответственно +2,6, +1,8, +2,7, +1,6, +2,5, +2,7, +2,8).

Наиболее низкие оценки этим объединениям выставляют мужчины, обладатели незаконченного высшего образования, работающие неофициально, оценивающие свой статус как низкий (статистически значимые стандартизованные остатки при достаточном количестве наблюдений равны соответственно +2,2, +2,1, +1,6, +2,2).

В большей степени, чем другие группы, склонны затрудняться с оценкой эффективности выражения интересов молодёжи клубами избирателей студенты, жители средних по размеру городов, а также Санкт-Петербурга (статистически значимые стандартизованные остатки при достаточном количестве наблюдений равны соответственно +2,4, +1,7, +2,1).

Склонны считать, что клубы молодых избирателей в их регионе не функционируют, работающие официально и не учащиеся молодые люди,

обладатели ежемесячных доходов на каждого члена семьи от 10000 до 25000 рублей, а также жители сельской местности, молодёжь из Ленинградской области (+1,9, +2,0, +1,7, +3,3, +2,3).

Рисунок 2 показывает, что полное доверие молодёжным организациям в целом испытывают 7,5% респондентов, скорее доверяют – 22,1%, в чем-то доверяют, в чем-то не доверяют – 30,2%, скорее не доверяют – 15,7%, не доверяют абсолютно – 8,4%. Еще 16,1% не смогли сказать ничего определенного по этому вопросу.

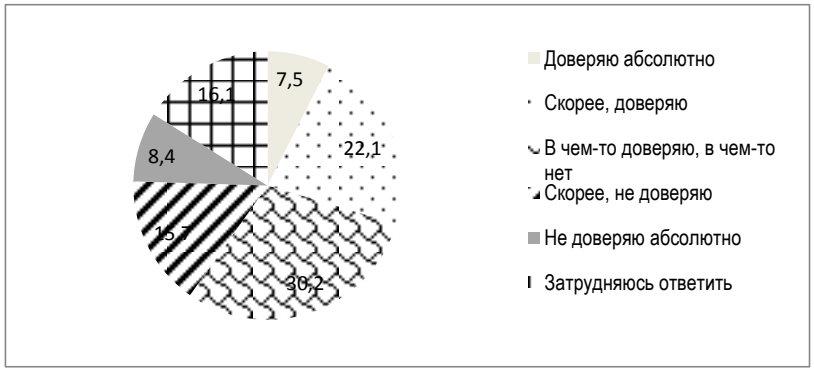


Рисунок 2 – Доверие молодёжным политическим организациям
Figure 2 – Trust to youth political organizations

Анализ стандартизованных остатков в комбинированной таблице показал сходство ответов мужчин и женщин, обладателей различного уровня образования, на вопрос о доверии молодёжным политическим организациям.

В большей степени, чем другие группы молодёжи, этим структурам склонны доверять люди в возрасте 14–17 лет, относящие себя к высшему слою (статистически значимые стандартизованные остатки при достаточном количестве наблюдений равны соответственно +1,6, +1,7).

Максимальную склонность не доверять молодёжным политическим организациям проявляют люди с наиболее высокими ежемесячными доходами на каждого члена семьи – от 40000 рублей, относящие себя по статусу к промежуточному между высшим и средним слоями (статистически значимые стандартизованные остатки при достаточном количестве наблюдений равны соответственно +3,5, +2,5).

Примечательно, что более других затруднились ответить на этот вопрос студенты вузов и молодые жители средних по размеру городов (статистически значимые стандартизованные остатки при достаточном количестве наблюдений

равны соответственно +1,8, +1,6).

Как и в отношении государственной молодёжной политики на региональном уровне, жители сельской местности продемонстрировали раскол и в отношении молодёжных политических организаций: часть из них склонна им доверять полностью, часть – абсолютно не доверять (статистически значимые стандартизованные остатки при достаточном количестве наблюдений равны соответственно +1,6, +1,7).

Заключение

Подводя итог нашему исследованию, отметим, что одним из ключевых факторов, определяющих качество жизни и степень удовлетворенности ею, является социальный статус, причем как объективный, учитывающий профессиональную и экономическую составляющие, так и субъективный, связанный с идентичностью. Таким образом, и в государственной политике, и в рамках усилий профессиональных и культурных элит следует выходить за рамки стратификационного подхода, и принимать во внимание условия, образ, стиль, качество жизни молодёжи во всей ее полноте, в том числе и в аспекте информированности о направлениях и качестве молодёжной политики государства. И здесь мы можем зафиксировать определенные сложности, связанные со слабой и не всегда адекватной информированностью, причем основная «вина» в таком положении вещей, на наш взгляд, лежит именно на государстве, которое, реализуя определенные задачи, зачастую весьма подробно описанные и основывающиеся на достаточно высокого качества экспертизе, не считает нужным доносить эту информацию до целевой аудитории. Таким образом, вопрос, вынесенный в заголовок статьи, встает весьма остро, и проблема информационного сопровождения, «пиара» проводимых как на федеральном, так и на региональном уровнях мероприятий, лежит, несомненно в практической плоскости.

Очевидно, что понимание органами государственной власти доминирующих оценок проводимой молодёжной политики среди отдельных групп представителей молодёжи должно иметь весьма практический смысл и учитываться при проведении государственной политики в этом вопросе.

Библиография/References:

1. Великая Н.М. Политическое сознание российской молодежи в контексте изменения политического режима // Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики. Серия «Демография. Социология. Экономика» / под ред. С. В. Рязанцева, Т. К. Ростовской, Ю. А. Зубок. – М.: Экон-информ, 2019. – С. 123–128.

2. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. – М.: ЦСПиМ, 2010. – 592 с.

3. Гукова И.Н. Перспективные формы развития общественно-политической активности молодежи в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 3 (5). – С. 156–159.

4. Ерофеева М.А., Белоус Е.Ю. Развитие молодежных инициатив как направление государственной образовательной молодежной политики // Педагогическое образование и наука. – 2017. – № 3. – С. 123–127.

5. Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. – М., 2016.

6. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. Философия. Теория. История. – М.: Голос, 2001. – 694 с.

7. Каратабан И.А. Социальная активность молодежи в контексте современных модернизационных процессов // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2018. – № 2. – С. 128–134.

8. Коряковцева О.А. Концептуальные основы развития обществе6нно-политической активности молодежи в постсоветской России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2016. – Т. 38. – № 8 (229). – С.156–162.

9. Лисовский В.Т. Воспитание студентов вузов Российской Федерации: материалы концепции // Общая стратегия воспитания в образовательной системе России: монография. Книга 1. – М.: ИЦПКПС, 2001.

10.Мангейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ. / отв. ред. и сост. Я. М. Бергер и др. – М.: Юрист, 1994. – 700 с.

11.Морозов М.М. Электоральные предпочтения молодежи // Формирование общекультурных и профессиональных компетенций финансиста. – М., 2018. – С. 99–104.

12.Попова Н.В. Молодежные лидеры об организации работы с молодежью на промышленных предприятиях // ЦИТИСЭ. – 2018. – № 1. – С. 18.

13.Старцева С.Г. Динамика политических предпочтений региональной молодежи в условиях трансформации современного российской общества (на примере Вологодской области): автореф. дис. … канд. полит. наук. – СПб., 2013. – 26 с.

14.Aurik J., Fabel M., Jonk G. A leader’s guide to an organization-wide strategy journey // Strategy and Leadership, 2015. – 43(3), PP. 15–24.

15.Denning S. New lessons for leaders about continuous innovation // Strategy and Leadership, 2015. – 43(1), PP. 11–15.

16.Halverson T. J., Plecki M. L. Exploring the Politics of Differential Resource Allocation: Implications for Policy Design and Leadership Practice // Leadership and Policy in Schools, 2015. – 14(1), PP. 42–66.

17.Karagianni D., Montgomery A. J. Developing leadership skills among adolescents and young adults: a review of leadership programmes // International Journal of Adolescence and Youth, 2018. – vol. 23. – PP. 86–98.

18.Murphy M. T. Youth in front: supporting youth-led social action // Social Education, 2018. – № 5 (vol. 82). – PP. 255–259.

19.Zeldin S., Gauley J., Krauss S. E. Youth-Adult partnership and youth civic development: cross-national analyses for scholars and field professionals // Youth & Society, Sage Journals, 2017.

1. Velikaia, N.M. (2019) Politicheskoe soznanie rossiiskoi molodezhi v kontekste izmeneniia politicheskogo rezhima [Political consciousness of the russian youth in the context of change of the political regime] // Molodezh' i molodezhnaia politika: novye smysly i praktiki. Seriia «Demografiia. Sotsiologiia. Ekonomika» [Youth and youth policy: new meanings and practices. Series “Demography. Sociology. Economy"] / pod red. S. V. Riazantseva, T. K. Rostovskoi, Iu. A. Zubok. – M.: Ekon-inform. – P. 123–128. (In Russ.)
2. Gorshkov, M.K., Sheregi, F.E. (2010) Molodezh' Rossii: sotsiologicheskii portret [The Youth of Russia: Sociological Portrait]. – M.: TsSPiM. – 592 p. (In Russ.)
3. Gukova, I.N. (2015) Perspektivnye formy razvitiia obshchestvenno-politicheskoi aktivnosti molodezhi v Rossiiskoi Federatsii [Perspective Forms of the Development of Socio-Political Activity of Young People in the Russian Federation] // Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia [Theory and Practice of Social Development]. – № 3 (5). – P. 156–159. (In Russ.)
4. Erofeeva, M.A., Belous, E.Iu. (2017) Razvitie molodezhnykh initsiativ kak napravlenie gosudarstvennoi obrazovatel'noi molodezhnoi politiki [Development of Youth Initiatives as a Direction of the State Educational Youth Policy] // Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka [Pedagogical Education and Science]. – № 3. – P. 123–127. (In Russ.)
5. Zubok, Iu.A., Rostovskaia, T.K., Smakotina, N.L. (2016) Molodezh' i molodezhnaia politika v sovremennom rossiiskom obshchestve [Youth and youth policy in modern Russian society]. – M. (In Russ.)
6. Il'inskii, I.M. (2001) Molodezh' i molodezhnaia politika. Filosofiia. Teoriia. Istoriia [Youth and Youth Policy: Philosophy. Theory. Story]. – M.: Golos. – 694 p. (In Russ.)
7. Karataban, I.A. (2018) Sotsial'naia aktivnost' molodezhi v kontekste sovremennykh modernizatsionnykh protsessov [The Social Activity of Youth in the Context of Modern Modernization Processes] // Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta [Vestnik of Maykop State Technological University]. – № 2. – P. 128–134. (In Russ.)
8. Koriakovtseva, O.A. (2016) Kontseptual'nye osnovy razvitiia obshchestve6nno-politicheskoi aktivnosti molodezhi v postsovetskoi Rossii [Conceptual Foundations of the

Development of the Society of the Political Activity of Young People in Post-Soviet Russia] // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Istoriia. Politologiia [Scientific bulletins of the Belgorod State University. Series: History. Political science]. – T. 38. – № 8 (229). – P.156–162. (In Russ.)

9. Lisovskii, V.T. (2001) Vospitanie studentov vuzov Rossiiskoi Federatsii: materialy kontseptsii [Education of students of universities of the Russian Federation: materials of the concept] // Obshchaia strategiia vospitaniia v obrazovatel'noi sisteme Rossii [General education strategy in the educational system of Russia]: monografiia. Kniga 1. – M.: ITsPKPS. (In Russ.)

10. Mangeim, K. (1994) Diagnoz nashego vremeni [Diagnosis for our time] / per. s nem. i angl. / otv. red. i sost. Ia. M. Berger i dr. – M.: Iurist. – 700 p. (In Russ.)

11. Morozov, M.M. (2018) Elektoral'nye predpochteniia molodezhi [Electoral preferences of young people] // Formirovanie obshchekul'turnykh i professional'nykh kompetentsii finansista [Formation of general cultural and professional competencies of a financier]. – M. – P. 99–104.

12. Popova, N.V. (2018) Molodezhnye lidery ob organizatsii raboty s molodezh'iu na promyshlennykh predpriiatiiakh [Youth leaders in the organization of work with young people at industrial enterprises] // TsITISE. – № 1. – P. 18. (In Russ.)

13. Startseva, S.G. (2013) Dinamika politicheskikh predpochtenii regional'noi molodezhi v usloviiakh transformatsii sovremennogo rossiiskoi obshchestva (na primere Vologodskoi oblasti) [Dynamics of political preferences of regional youth in the conditions of transformation of the modern Russian society (on the example of the Vologda region)]: avtoref. dis. … kand. polit. nauk. – SPb. – 26 p. (In Russ.)